

•

Расплата

Спин

•

роберт чарльз
УИЛСОН

СПИН

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
У 36

Robert Charles Wilson
SPIN

Copyright © 2005 by Robert Charles Wilson
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Полошак

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-20584-0

© А. С. Полошак, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

4 × 10⁹ НАШЕЙ ЭРЫ

Все мы падаем, и каждый где-нибудь да приземлится.

Например, в Паданге. Мы сняли номер на третьем этаже гостиницы в колониальном стиле: идеальное место, чтобы не привлекать лишнего внимания. Уединение обошлось в девятьсот евро за сутки. Бонусом шел балкон с видом на Индийский океан.

В погожие дни, а в последнее время в них не было недостатка, с балкона виднелся ближний край Дуги. Вертикальная белесая линия уходила от горизонта в самую высь, за голубую дымку. Впечатляющее зрелище: с западного побережья Суматры взгляду открывается лишь небольшой фрагмент конструкции, выходящей из-под воды за Ментавайскими островами. Дальняя опора Дуги спускается к подводным вершинам Восточно-Индийского хребта. До них от Паданга больше тысячи километров. Чтобы представить масштаб сооружения, возьмите обручальное кольцо и аккуратно поставьте его на ребро в блюдце с водой. Поставили? Так вот, блюдце — это Индийский океан, а надводная часть кольца — это Дуга, соединяющая Зондский желоб и Восточно-Индийский хребет в районе экватора. На суше она протянулась бы над Индией с запада на восток, от Бомбея до Мадраса. Или, скажем, над США — от Нью-Йорка до Чикаго, но это очень приблизительно.

Почти всю вторую половину дня Диана провела на балконе, обливаясь потом в тени выцветшего полосатого зонта-

ка. Вид завораживал ее, и я радовался, что она — после всех злоключений, выпавших на нашу долю, — не разучилась наслаждаться подобными вещами. На душе стало легче.

Вечером я присоединился к ней. На закате здесь очень красиво. Сухогруз, легко скользивший к порту Телук-Баюр, походил на ожерелье огоньков в прибрежном мраке. Опора сияла, словно отполированный алый гвоздь, скрепляющий небо с океаном. В городе темнело, и мы наблюдали, как тень Земли взбирается все выше по ближнему краю Дуги.

Эта технология, если вспомнить знаменитую цитату, «неотличима от магии». Воздушные и водные массы свободно циркулируют под Дугой между открытым океаном и Бенгальским заливом, в то время как суда перемещаются в неведомые дали, — разве не магия? Что это за чудо инженерной мысли, благодаря которому конструкция радиусом в тысячу километров выдерживает собственный вес? Из чего она сделана и как работает?

Ответить на эти вопросы мог бы, наверное, только Джейсон Лоутон. Но Джейсона с нами не было.

Диана разлеглась в шезлонге. Ее желтый сарафан и не-лепая соломенная шляпа с огромными полями уже тонули в густом сумраке. Безупречно гладкая ореховая кожа. В глазах притягательно блестят последние лучи солнца, но лицо по-прежнему настроженное.

Диана подняла голову:

— Ты с утра сам не свой.

— Хочу кое-что записать, — ответил я. — Пока не началось. Что-то вроде мемуаров.

— Боишься что-то упустить? Тайлер, не глупи. Память не сотрется, ничего подобного не происходит.

Нет, не сотрется. Однако есть риск, что воспоминания сгладятся, расфокусируются, потеряют очертания. У препарата были и другие побочные эффекты, временные и терпимые, но потеря памяти приводила меня в ужас.

— К тому же все шансы на твоей стороне, — добавила Диана. — Ты сам прекрасно знаешь, что вероятность иска-

жения воспоминаний довольно мала. Да, она есть, но это всего лишь вероятность.

Если процедура и сказалась на ее памяти, это, пожалуй, даже пошло Диане на пользу.

— Все равно, — возразил я, — мне будет спокойнее, если я кое-что запишу.

— Если передумал, давай отложим. Дождемся момента, когда будешь готов.

— Я уже готов.

Мне самому хотелось в это верить.

— В таком случае нужно приступить сегодня вечером.

— Знаю. Но в ближайшие недели...

— Не факт, что тебе захочется что-то записывать.

— Не захочется, а придется.

В число побочных эффектов входила графомания, но это меня не смущало.

— Посмотрим, что скажешь, когда накроет тошнота. — Диана сочувственно улыбнулась. — Что ж, все мы боимся что-то потерять.

Неприятное замечание. Мне не хотелось углубляться в эту мысль.

— Давай-ка просто приступим к делу, — сказал я.

Пахло тропиками. И хлоркой от гостиничного бассейна тремя этажами ниже. Паданг разросся в крупный международный порт. Здесь было полно иностранцев: индийцев, корейцев, филиппинцев. Встречались даже неприкаянные американцы вроде нас с Дианой; люди, которым не по карману путешествие первым классом; те, кто не попал в программу переселения ООН. Кипучий город, беззаконием здесь никого не удивишь — особенно с тех пор, как в Джакарте к власти пришли «новые реформази».

В отеле, однако, было безопасно. По небу во всем своем великолепии рассыпались звезды. Ярче всего сияла верхушка Дуги. Тонкая серебристая буква С (на ум пришли слова «странная» и «сногшибательная»), уложенная набок дланью Господа, страдающего дислексией. Мы смотрели, как она меркнет. Я держал Диану за руку.

— О чем задумался? — спросила она.

— Вспомнил, как в последний раз любовался старыми созвездиями.

Дева, Лев, Стрелец — астрологические названия, которые теперь встретишь разве что в учебниках истории в виде сносок.

— Здесь, в Южном полушарии, они выглядели бы иначе?

Наверное, подумал я.

Затем наступила ночь. В полной темноте мы перешли в комнату. Я включил свет. Диана, задернув шторы, достала чехол со стерильным шприцем и ампулой. Я сам научил ее делать инъекции. Наполнив шприц, Диана сосредоточенно наморщила лоб и шелкнула по игле, прогоняя пузырек воздуха. Вид у нее был уверенный, но рука дрожала. Я снял рубашку и растянулся на кровати.

— Тайлер...

Теперь уже она волновалась.

— Нет, я не передумую. Я прекрасно знаю, во что ввязываюсь, и мы уже сто раз все обсудили.

Диана кивнула, смочила ватку спиртом и протерла мне кожу на локтевом сгибе. Шприц она держала в правой руке, иглой вверх. Жидкости в нем было совсем немного, и выглядела она вполне безобидно. Вода водой.

— Как давно это было... — сказала она.

— Ты о чем?

— О том, как мы в тот раз смотрели на звезды.

— Рад, что ты помнишь.

— Конечно помню. А теперь сожми кулак.

Почти не больно. Во всяком случае, пока.

КАЗЕННЫЙ ДОМ

В ночь, когда с небосвода пропали звезды, мне было двенадцать. Близнецам — по тринадцать.

Стоял октябрь, пара недель до Хеллоуина. В доме Лоутонов (мы называли его Казенным домом) устроили вечеринку «без детей», а нас троих отправили в подвал.

Ссылка в подвал наказанием не считалась — только не для Дианы и Джейсона, проводивших там немало времени по доброй воле. И тем более не для меня. Отец Лоутонов строго разграничивал «детские» и «взрослые» зоны, зато внизу была крутая игровая консоль, диски с фильмами, даже бильярд... и никаких взрослых, кроме приглашенной официантки. Ее звали миссис Труолл. Каждые час-полтора она спускалась к нам, чтобы увильнуть от разноса канаве и поведать, что творится наверху. (Парень из «Хьюлетт-Паккарда» опозорился, его застукали с женой корреспондента «Пост»; сенатор хватил лишку и храпит в курительной комнате.) По мнению Джейсона, нам не хватало лишь тишины (от грохота родительской аудиосистемы потолок ходил ходуном, словно сердце огра) и неба над головой.

Тишина и небо. Джейсон, по обыкновению, решил, что ему хочется и того и другого.

Они с Дианой родились с разницей в несколько минут, но были, по всей очевидности, не идентичными, а разнородными сиблингами; никто, кроме матери, не называл их двойняшками. Джейсон говаривал, что они с Дианой «суть результат проникновения двух сперматозоидов в две яйце-

клетки с противоположным зарядом». Диана могла похвастать почти таким же впечатляющим, как у Джейсона, коэффициентом умственного развития, но держала свой словарный запас на коротком поводке, поэтому сравнивала себя и брата с парой арестантов, сбежавших из одной клетки.

Я благоговел перед обоими.

В свои тринадцать Джейсон был до жути умен. И развит физически: не особенно мускулистый, но полный энергии, он нередко занимал призовые места в состязаниях легкоатлетов. Добрых шести футов ростом, поджарый; его грубые черты лица оживляла искренняя асимметричная улыбка. Волосы у него тогда были светлые и жесткие.

Диана — на пять дюймов ниже, пухленькая, но только в сравнении с братом. Кожа смуглее, чем у Джейсона. Лицо чистое, но вокруг глаз россыпь веснушек, из-за чего веки выглядят набрякшими (маска енота, говорила она). Но больше всего — а я уже достиг возраста, когда такие подробности приобретают смутную, но неоспоримую важность, — мне нравилась ее улыбка. Улыбалась Диана редко, но эффектно. Она считала, что у нее выпирают зубы (ничего подобного), поэтому приучила себя смеяться, прикрывая рот ладонью. Мне нравилось ее смешить, но втайне я мечтал увидеть не смех, а улыбку.

Неделей раньше отец подарил Джейсону дорогой астрономический бинокль. Джейс весь вечер с ним возился, нацеливал на постер турагентства, висевший в рамочке над телевизором, и притворялся, что шпионит за жителями Канкуна из пригорода Вашингтона. Наконец он встал и заявил:

- Надо бы выйти посмотреть на небо.
- Нет, — тут же отозвалась Диана. — Там холодно.
- Зато ясно. Первая безоблачная ночь на этой неделе.

И не холодно, а прохладно.

- Утром на лужайке был лед.
- Иней, — поправил Джейсон.
- Уже за полночь.
- А завтра суббота.
- Нам нельзя отсюда выходить.

— Нам нельзя на вечеринку. По поводу лужайки распоряжений не было. Никто нас не увидит, если вдруг боишься, что тебя поймают.

— Я и не боюсь, что меня поймают.

— А чего тогда боишься?

— Слушать твою болтовню, пока ноги не отмерзнут.

— Ну а ты, Тайлер? — Джейсон повернулся ко мне. — Хочешь глянуть на небо?

Близнецы нередко призывали меня рассудить их спор, и мне это очень не нравилось. Проигрышное дело. Если встать на сторону Джейсона, есть вероятность оттолкнуть от себя Диану; но если из раза в раз поддерживать Диану, это будет... чересчур заметно.

— Не знаю, Джейс... — сказал я. — Там и правда слишком уж прохладно...

Выйти из положения помогла Диана.

— Не бери в голову. — Она положила руку мне на плечо. — Чем слушать, как он канючит, лучше выйду подышать свежим воздухом.

Так что мы сняли куртки с вешалки в коридоре и выбрались из дома через черный ход.

Вопреки придуманному нами прозвищу, Казенный дом выглядел не так уж грандиозно, хотя выделялся на фоне остальных жилищ (а обитали мы в районе для людей с достатком от среднего и выше). Да и участок был побольше, чем у соседей. Огромная лужайка, ровная и аккуратно подстриженная, за ней дикий сосновый бор, а дальше речушка с не самой мутной водой. Место для созерцания звезд Джейсон выбрал на полпути от дома к лесу.

Погода в том октябре радовала — до вчерашнего дня, когда холодный фронт сломал хребет бабьему лету. Диана демонстративно обхватывала себя руками и дрожала, но лишь для того, чтобы Джейсон чувствовал себя виноватым. Ночной воздух был прохладным, однако со двора не гнал. Небо прозрачное, трава относительно сухая, но не исключено, что утром снова покроется инеем. Ни луны, ни облачка. Казенный дом сверкал огнями, словно колесный пароход на

Миссисипи, брызгал на лужайку жаркими желтыми отблесками, но по опыту мы знали: если в подобную ночь встать в тени дерева, исчезнешь так же верно, как если бы провалился в черную дыру.

Джейсон улегся на спину и направил бинокль на звездное небо.

Я сидел по-турецки рядом с Дианой. На моих глазах она выудила из кармана куртки сигарету. Наверное, стащила у кого-то из домашних. (Кэрол Лоутон была кардиологом. Формально она бросила курить, но, по словам моей матери, прятала пачки в трюмо, в рабочем столе, в кухонном шкафу.) Зажав фильтр в губах, Диана чиркнула прозрачной красной зажигалкой — на мгновение ее огонек стал ярче всех остальных огней, — выдохнула струйку дыма, и та закружилась, растворяясь в темноте.

— Затянуться хочешь? — спросила она, перехватив мой взгляд.

— Ему двенадцать, — сказал Джейсон. — У него хватает проблем и без рака легких.

— Конечно хочу, — ответил я, ибо теперь это был вопрос чести.

Диана с веселым удивлением передала мне сигарету. Я осторожно затянулся и сумел не закашляться.

— Смотри, как бы голова не закружилась.

Диана забрала сигарету.

— Знаешь что-нибудь про звезды, Тайлер? — спросил Джейсон.

Я хапнул полную грудь чистого холодного воздуха и выпалил:

— Конечно!

— В смысле, не из книжек в мягкой обложке. Назови пару звезд.

— Арктур, — вспомнил я, искренне надеясь, что в темноте Джейс не видит моей пунцовой физиономии. — Альфа Центавра. Сириус. Полярная звезда...

— Напомни-ка, где живут клингоны, — перебил меня Джейсон.

— Веди себя прилично, — одернула его Диана.

Близнецы были умны не по годам. Я тоже был не дурак, но выступал в иной весовой категории, и все мы это понимали. Джейсон и Диана учились в школе для одаренных детей, а я ездил в муниципальную на желтом автобусе. Они жили в Казенном доме, а мы с матерью — в бунгало на восточной границе участка Лоутонов. Их родители шагали вверх по карьерной лестнице, а моя мать убирала у них в доме. Короче говоря, между нами хватало очевидных различий, но мы научились признавать этот факт, не акцентируя на нем внимание.

— Ладно, ладно, — отступил Джейсон. — Сможешь показать альфу Малой Медведицы?

Альфа Малой Медведицы. Полярная звезда. Я читал кое-что о рабстве, о войне Севера и Юга. У беглых рабов была песня:

Когда вернется солнце
И перепел голос подаст,
Давай
Шагай
Туда, где калебас.
Старик проводит
Тебя к свободе,
Давай
Шагай
Туда, где калебас.

«Когда вернется солнце» — то есть после зимнего солнцестояния. Перепелки зимуют на юге. Калебас — это ковш Большой Медведицы. Линия его широкой стенки указывает на Полярную звезду, точно на север — туда, где свобода.

Я нашел на небе большой ковш и ткнул пальцем в его сторону, надеясь, что не ошибся.

— Видал? — сказала Диана Джейсону, словно я заработал для нее очко в споре, о котором меня не потрудились известить.

— Неплохо, — согласился Джейсон. — Знаешь, что такое комета?

— Знаю.

— Хочешь увидеть?

Я кивнул и растянулся рядом с ним. Во рту стоял едкий привкус Дианиной сигареты. (Ох, зря я пошел на принцип.) Джейсон показал, как удобнее улечься, а потом разрешил посмотреть в бинокль. Я повозился с настройкой резкости. Сперва звезды превратились в расплывчатые овалы, потом — в игольные ушки. Их стало очень много. Невооруженным глазом столько не увидишь. Я поводил взглядом по небесной панораме, пока не нашел (или подумал, что нашел) то место, куда показал Джейсон: крошечный светящийся ступок на фоне беспощадно-черного неба.

— Комета... — начал Джейсон.

— Я знаю. Комета — что-то вроде снежка из газа и пыли, летит в сторону Солнца.

— Ну, допустим, — усмехнулся он. — А ты знаешь, Тайлер, откуда берутся кометы? Из внешней области Солнечной системы. Там что-то вроде ледяного гало. Ты даже вообразить себе не можешь, какой там холод.

Я кивнул, но без уверенности. К тому времени я прочел уже немало научной фантастики и понимал, что размеры ночного неба попросту неопишутемы. Оно бескрайнее. Иногда мне нравилось размышлять об этом, хотя — если в доме тишина, а на дворе глубокая ночь — подобные мысли меня слегка пугали.

— Диана, — позвал Джейсон, — хочешь посмотреть?

— Это обязательно?

— Разумеется, это совсем необязательно. Можешь и дальше сидеть, где сидишь. Травить легкие и исходить слюной, если тебе так нравится.

— Грубиян.

Затушив сигарету в траве, она протянула руку. Я передал ей бинокль.

— Поосторожнее с ним, — предупредил Джейс.

Он обожал свою новую игрушку. От бинокля до сих пор пахло целлофаном и пенопластовой упаковкой.

Настроив фокус, Диана какое-то время молча разглядывала небо. Потом сказала:

— Вот я смотрю в твой бинокль на звезды. И знаешь, что я вижу?

— Что?

— Звезды.

— Ну так включи фантазию.

Судя по тону, Джейсон не на шутку рассердился.

— И зачем нужен твой бинокль, если можно включить фантазию?

— Просто задумайся о том, на что смотришь!

— Ага, — сказала она и потом: — Ага... Ага! Джейсон, вижу...

— Что?

— По-моему... Да, точно, вижу Бога! С белой бородой до пояса! В руке у него табличка, а на табличке написано... «Джейсон дурак»!

— Очень смешно. Отдай бинокль, раз не знаешь, зачем он нужен.

Он протянул руку; Диана его проигнорировала. Села прямо и навела сдвоенные окуляры на окна Казенного дома.

Вечеринка продолжалась с раннего вечера. Мать называла мероприятия Лоутонов «корпоративными встречами на высшем уровне, неформальными и весьма дорогостоящими», но она мастерски владела стилистическим приемом гиперболы, поэтому ее оценку необходимо было снижать на балл-другой. По словам Джейсона, сегодня в Казенном доме собрались по большей части политические функционеры и восходящие звезды авиакосмической индустрии. Не цвет старого вашингтонского общества, а выходцы с Запада, приезжие с тугими кошельками и связями в оборонной промышленности. И Ди, отец Джейсона и Дианы, устраивал такие вечеринки три-четыре раза в год.

— Все своим чередом, — комментировала Диана, глядя в бинокль. — На первом этаже пьют и пляшут. Больше пьют, чем пляшут. Хотя кухню, по-моему, уже сворачивают. Официанты собираются уходить. Окно кабинета зашторено. Эд

в библиотеке, с ним пара типов в костюмах. Один с сигарой. Фу!

— Ваше омерзение выглядит неубедительно, — заметил Джейсон и добавил: — Мисс Мальборо.

Не обращая на него внимания, Диана продолжала каталогизировать окно за окном, а Джейсон подсел ко мне и шепнул:

— Вот так и показывай ей Вселенную. Все равно предпочтет шпионить за гостями.

Я не знал, что на это сказать. Его замечание, как бывало нередко, прозвучало столь остроумно, что не оставило мне шансов на достойный ответ.

— Моя комната, — сказала Диана. — Слава богу, никого. Комната Джейсона. Тоже пусто, если не считать «Пентхаус» под матрасом...

— Бинокль, конечно, хороший, но не настолько же!

— Спальня Эда и Кэрол. Пусто. Гостиная спальня...

— Так?

Но Диана не ответила. Замерла как статуя с биноклем у глаз.

— Диана? — позвал я.

Она помолчала еще несколько секунд, затем вздрогнула, развернулась и бросила — нет, швырнула — бинокль Джейсону. Тот возмутился, не сообразив, что Диана увидела что-то неприятное. Я хотел спросить, в норме ли она...

И в этот момент звезд не стало.

Ничего особенного.

Многие так говорят — из тех, кто видел, как это случилось. Ничего особенного. Подтверждаю как свидетель: пока Диана с Джейсоном шипели друг на друга, я смотрел в небо, но заметил лишь странную вспышку, а за ней — холодную зеленоватую фосфоресценцию, послеобраз звезд на сетчатке. Я заморгал.

— Что это было? Молния? — спросил Джейсон.

А Диана вообще ничего не сказала.

- Джейсон... — заговорил я, все еще моргая.
- Что? Диана, богом клянусь, если ты побила линзу...
- Заткнись, — огрызнулась Диана.
- Прекратите, — сказал я. — Гляньте на небо. Что стало со звездами?

Близнецы запрокинули головы.

Из нас троих одна лишь Диана с готовностью поверила, что звезды просто «выключились» — погасли, будто свечи на ветру. Это невозможно, настаивал Джейсон: свет уже проделал путь в пятьдесят, сто, миллионы световых лет, в зависимости от источника; не может такого быть, чтобы все звезды погасли по какому-то невероятно замысловатому алгоритму, чтобы исчезли для землян синхронно, в один и тот же миг. Я добавил, что Солнце, как ни крути, тоже звезда и оно все еще светит, пусть даже на другую сторону планеты. Так?

Конечно так. А если и не так, сказал Джейсон, то к утру мы все окочуримся от холода.

Поэтому, если судить логически, звезды светили по-прежнему, но мы их больше не видели. Они не исчезли, но спрятались: произошло затмение. Да, небо вдруг стало пустым и черным как смоль, но это загадка, а не катастрофа.

Меня, однако, заклинило на слове «окочуримся». Что, если Солнце и правда исчезло? Я представил, как в нескончаемой тьме падают снежинки, а потом, наверное, замерзает сам воздух — вещество, которым мы дышим, замерзает и превращается в снег иного, невиданного доселе рода, погребая под собой всю человеческую цивилизацию. Поэтому лучше (о да, определенно лучше!) предположить, что звезды «затмило». Но что могло их затмить?

— Очевидно, что-то огромное. Что-то стремительное. Тайлер, ты все видел. Скажи, это произошло одновременно или в небе что-то двигалось?

Я сказал, что звезды сделались ярче, а потом перегорели, будто лампочки. Одновременно.

— Да и хер с ними, с этими звездами дурацкими, — брякнула Диана.

Меня как током ударило: сквернословила Диана нечасто, хотя мы с Джейсоном сами не стеснялись в выражениях с тех самых пор, как возраст — и мой, и его — перевалил за двузначную отметку. Да, тем летом многое изменилось.

— Думаю, бояться тут нечего, — сказал Джейсон, уловив страх в ее голосе.

Он и сам был заметно встревожен, но в ответ Диана лишь поморщилась и заявила:

— Я замерзла.

Поэтому мы решили вернуться в Казенный дом и посмотреть, не добралась ли новость о звездах до Си-эн-эн или Си-эн-би-си. Шагая по лужайке, я угнетенно думал, что впервые вижу такое чудовищно-черное, чугунное и вместе с тем невесомое небо.

— Нужно рассказать Эду, — предложил Джейсон.

— Вот сам и рассказывай, — отмахнулась Диана.

Кэрол Лоутон воображала, что у нее прогрессивное семейство, поэтому Джейс с Дианой называли родителей по именам, хотя на деле все было не так просто. Кэрол потакала близнецам, но не очень-то вмешивалась в их жизнь, а И Ди целенаправленно взращивал наследника. Наследником, разумеется, был Джейсон. Он боготворил отца. В отличие от Дианы: та отца побаивалась.

Да и я прекрасно знал, что не стоит соваться на «взрослую» территорию в конце светского раута Лоутонов, когда все уже порядком заложили за воротник, поэтому мы с Дианой слонялись за дверью, в демилитаризованной зоне, а Джейсон тем временем отыскивал отца в одной из смежных комнат. Беседу мы слышали только в самых общих чертах, но голос И Ди не оставлял пространства для сомнений: таким тоном говорят люди огорченные, раздраженные, готовые выйти из себя. Джейсон вернулся в подвал красным как рак и чуть не плакал; я же сказал «извините» и направился к задней двери.

В коридоре меня настигла Диана. Цапнула меня за руку так, словно на свете не осталось никого, кроме нас, и зататорила:

— Тайлер, оно же взойдет — солнце, завтра утром? Я знаю, глупый вопрос, но оно же взойдет?

Она говорила так, словно оставила всякую надежду. Я хотел было отшутиться — мол, если не взойдет, мы все умрем, — но страх Дианы подстегнул мои собственные сомнения. Чему же мы стали свидетелями и что все это значит? Выслушав Джейсона, И Ди, как видно, счел трансформацию ночного неба недостойной внимания; быть может, мы переполошились из-за форменного пустяка. Но что, если на самом деле грядет конец света, а об этом известно лишь нам троим?

— Все у нас будет хорошо, — сказал я.

Диана уставилась на меня сквозь сосульки волос:

— Уверен?

— На девяносто процентов.

Я попробовал изобразить улыбку.

— Но до утра не уснешь? — спросила Диана.

— Наверное. Скорее всего.

Я уже чувствовал, что мне будет не до сна.

— Можно я позвоню?

Она подняла руку с двумя оттопыренными пальцами, большим и мизинцем.

— Конечно.

— Я, наверное, ложиться не стану. Но если усну... Ну да, это глупо... Наберешь меня, как только встанет солнце?

Я сказал, что наберу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я до дрожи обрадовался ее просьбе.

Дом, где жили мы с матерью, — аккуратное бунгало, обшитое доской, — стоял на восточном краю участка Лоутонов. У крыльца был скромный розарий, обнесенный сосновым заборчиком; кусты цвели до глубокой осени, но после недавних заморозков розы завяли. В эту безлунную, беззвезд-

Уилсон Р. Ч.

У 36 Спин : роман / Роберт Чарльз Уилсон ; пер. с англ. А. Полошака. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-20584-0

Однажды вечером трое молодых людей вышли на лужайку Казенного дома, чтобы полюбоваться звездами. И увидели, как звезд не стало.

Прошли годы. Звезды так и не вернулись на небосвод, один из юношей выучился на врача, девушка ушла в религию, а второй юноша стал богом.

«Спин» — это роман о предсмертном рывке человечества в космос, о несовершенстве демиурга, о поисках спасательного круга в бушующем океане глобальной катастрофы. Но в первую очередь это роман о любви.

Это текст, созданный рассказчиком в медикаментозном бреду. Это коварная, обманчиво прозрачная, но тесная паутина слов. Это твердая научная фантастика, где рожденный автором мир не вызывает ни малейших вопросов. Это сказание о том, как люди проживают год за годом, ежедневно глядя в глаза неизбежной смерти. Это роман-поэма и роман-какофония, где биг-бэнд Дюка Эллингтона громыхает «Гарлемским воздуховодом», Майлз Дэвис пронзительно выводит «Семь шагов на небеса», а Аструд Жилберту с хрипотцой поет «Лицо, которое люблю».

И любовь разорвет нас в клочья. Снова.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ЧАРЛЬЗ УИЛСОН

СПИН

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Ольга Попова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.02.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-KNF-29473-01-R